

А. И. Семина

ДИНАМИКА ИЗМЕНЕНИЙ В ТЕМАТИКЕ ТУРЕЦКОЙ КЫТ'А XV–XVIII вв.

Институт стран Азии и Африки (ИСАА) МГУ имени М. В. Ломоносова,
Российская Федерация, 125009, Москва, ул. Моховая, д. 11

Данная статья посвящена динамике изменений в тематике турецкой кыт'а XV–XVIII вв. Выводы, представленные в ней, основаны на анализе более 1000 кыт'а пятнадцати турецких средневековых поэтов указанного периода. В ходе анализа произведений этой жанровой формы выявилось, что коренной перелом в тематике турецкой кыт'а приходится на XVII в., тот период, когда вся жанровая система турецкой литературы подвергается значительным модификациям. Наиболее существенной трансформации подверглась любовная, философская, дидактическая лирика и тарихи: до XVII в. большинство кыт'а представляли собой стихотворения любовной тематики, с XVII в. большая часть кыт'а содержали в себе хронограмму и являлись тарихами. В XVII в. также переживает подъем популярности философская и дидактическая лирика в форме кыт'а. Библиогр. 8 назв. Ил. 1.

Ключевые слова: средневековая турецкая литература, кыт'а, тема, тарих.

DYNAMICS OF THEMATIC CHANGES OF TURKISH QITA IN THE 15–18TH CENTURIES

A. I. Semina

The Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University named after M. V. Lomonosov, 11, Mokhovaya ul. Moscow, 125009, Russian Federation

The article is devoted to the analysis of thematic changes of Turkish *qita* in the 15–18th centuries. On the basis of more than 1000 *qita* it was proved that love lyrics, philosophical and didactic lyrics and *tarikhs* are subjects of the most significant thematic changes which happened mainly in the 17th century when all genres of the Turkish literature were much transformed. Up to the 17th century *qita* generally presented love lyrics, while since the 17th century *qitas* mostly included chronograms and were *tarikhs*. The 17th century also witnessed the raise of popularity of philosophical and didactic lyrics in the form of *qita*. Refs 8. Fig 1.

Keywords: medieval Turkish literature, *qita*, theme, *tarikh*.

Кыт'а, одна из наиболее распространенных жанровых форм средневековой турецкой поэзии XV–XVIII вв., проникла на турецкую почву из персидской литературы, которая, в свою очередь, заимствовала ее из арабской литературы. В арабской литературе для кыт'а был характерен сравнительно небольшой объем (приблизительно 10–12 бейтов) и отсутствие парной рифмы (мусарра) в первом бейте, что являлось ее формальным отличием от касыды — другой самой популярной жанровой формы арабской литературы. Кыт'а в арабской литературе обслуживала жанры хиджа (хула или грубое осмеяние) и риса, или марсия (похоронная элегия). В таком виде кыт'а была заимствована персидскими поэтами. Сохранив свой сравнительно небольшой объем, она обрела ряд устойчивых формальных характеристик и расширила свой тематический диапазон. Первыми кыт'а, написанными персидскими поэтами, были широко распространенные в X–XI вв. стихотворения философского содержания [1, с. 40]. В форме кыт'а персидские поэты создавали также стихотво-

рения «делового назначения» (термин З. Н. Ворожейкиной [1, с. 44]), литературные миниатюры (загадки-лугазы, загадки-муамма, хронограммы-тарихи), экспромты на самые разнообразные темы. Таким образом, как мы видим, для персидских кыт'а был характерен широкий репертуар тем, заимствованный и турецкой литературой. Динамике изменений в тематике турецкой кыт'а XV–XVIII вв. и посвящена настоящая статья, представляющая собой результат научного осмысления более 1000 кыт'а средневековых турецких поэтов — признанных мастеров этой жанровой формы (159 кыт'а четырех поэтов XV в., 234 кыт'а трех поэтов XVI в., 426 кыт'а четырех поэтов XVII в. и 329 кыт'а четырех поэтов XVIII в.).

В XV–XVI вв. турецкая литература переживает небывалый подъем: турецкие поэты активно утверждают гуманистические идеалы. Лучшие турецкие поэты этой эпохи — Ахмед Паша (1426–1497), Неджати (1460–1508), Месихи (1470–1512), Михри Хатун (1456–1514), Баки (1526–1600) — создают множество стихотворений, в которых воспевают глубокие искренние чувства и сердечные порывы, их строки полны презрения к лицемерию и ханжеству. Интерес к человеку и к теме любви находит свое отражение и в кыт'а. Большинство кыт'а XV в. (33%) посвящено теме любви. В дальнейшем их количество уменьшилось: в XVI в. они составляли 14% от всех кыт'а. Однако в творчестве некоторых поэтов, например, Эмри (?–1575), любовные кыт'а продолжали занимать центральное место (четыре пятых его кыт'а — любовные) [2]. В XVII–XVIII вв. количество любовных кыт'а снижается до 7–9%, это связано с переключением интереса поэтов на социальную сферу жизни, которое было обусловлено в первую очередь кризисом, первые проявления которого наблюдались в Османской империи с конца XVI в. Еще одной причиной уменьшения количества любовных кыт'а стала тенденция к более строгому разграничению жанровых форм турецкой поэзии по тематическому признаку. Наиболее отчетливо эта тенденция проявилась несколько позже: в тезкире и в диванах конца XVIII–XIX вв. любовные кыт'а иногда помещались отдельно от большинства кыт'а и сопровождалась заголовком «незаконченная газель» (na-tamam gazeller). «Незаконченные газели» отличались от газелей небольшим объемом — 3–4 бейта — и отсутствием тахаллуса в последнем бейте.

В турецких средневековых любовных кыт'а поэт обращается к каноническим газельным мотивам. Он описывает страдания влюбленного, представляет традиционный портрет красавицы, чей стан — кипарис, лицо — луна или солнце, локоны — гиацинты или драконы, губы — кораллы и т. д. Объем таких кыт'а — примерно 2–4 бейта, строки их первого бейта могут рифмоваться. Подобные кыт'а можно в большом количестве обнаружить у Ахмеда Паши, Неджати, Баки, Эмри и др. Вот, например, одна из кыт'а Эмри, в которой первый бейт имеет парную рифму, а последний сопровождается тахаллусом:

Глаза ли бросают на тебя взгляд, подобный шаху нарциссов?
Слова ли она произносит ртом, подобным алому бутону?

Ты стал письмом, Эмри, поставив на бумаге красную печать.
Любимая протягивает тебе руку, чтобы вежливо поздороваться [2, с. 300].

Или, например, следующая кыт'а Ахмеда Паши, состоящая из трех бейтов и также завершающаяся подписным бейтом — бейтом с псевдонимом поэта:

Твои глаза творят такое волшебство, что не под силу волшебнику,
Они метнули такую стрелу, которая ранит сильнее, чем [пущенная] из лука, <...>
Твои волосы взяли Ахмеда в такое рабство,
Что так отворотить от веры не смог бы и гяур [3, с. 298].

С XVII в. кризисные явления, имевшие место в османском обществе, все чаще становились предметом поэтического осмысления: в результате начавшегося распада военно-ленной системы прирост территорий, происходивший за счет завоеваний, приостановился. Критические настроения, царившие в обществе того времени, находили отражение и в кыт'а. Все активнее в кыт'а этого периода звучали философские и дидактические мотивы: поэты сетовали на несправедливость мироздания и пытались отыскать причины царившего вокруг неблагополучия, а также писали наставления, призывая к отказу от земных благ и самоограничению, советуя современникам культивировать в себе порядочность и честность. Наибольшее количество подобных кыт'а мы находим у поэтов XVII–XVIII вв. Наби (1642–1712) [4] и Лебиба (1695–1768) [5].

Мотивы философских и дидактических кыт'а традиционны, многие из них заимствованы из религиозной поэзии (зухдийят). Среди таких кыт'а встречаются стихотворения о быстротечности и ценности времени, о переменчивости земного счастья. Эти кыт'а содержат рассуждения о Боге и месте человека в мире, об устройстве мироздания, основанного на четырех стихиях, о значении шариата, посланного людям для упорядочивания их жизни. Например, эти мотивы звучат в следующей кыт'а Наби:

Искусство архитектора — небеса и земля.
Четыре основы установлены для здания решимости веры.
Порядок мира определен в тексте шариата,
Примером служат четыре элемента и четыре времени года [4, с. 1157].

Окружающая действительность резко контрастирует с представлениями поэта об идеальном. Наби, например, с горечью отмечает: «Ни зависти нет, ни развлечений, ни разобщенности, ни споров / Я не видел собрания веселья, подобного запечатленному на миниатюрах» [4, с. 1145]. Поэт критикует установившееся положение дел и в других своих кыт'а, например:

В этот век безбожники-шейхи
Порочат тех, чьи просьбы принимают.
На прошения отвечая раздачей должностей,
Обманывая народ, продают вилайеты [4, с. 1146].

Наби сетует на то, что в этой жизни «постоянства нет» [4, с. 1163], особенно в том, что касается материального благополучия. Он подчеркивает, что в мире всегда действует зло («шайтан»), однако «таково условие мира» [4, с. 1162]. Современникам остается только заботиться о возвращении собственных добродетелей. Поэт советует не зависеть от брэнного мира и воспитывать в себе смирение: «Тот образованный, кто стал учеником достоинства, [учится] смиренью» [4, с. 1162]. Поэт

постоянно подчеркивает, что конец земной жизни — это якорь, позволяющий человеку жить праведной жизнью и помнить о Боге. Смерть разоблачает всю фальшь, которой люди себя окружают, она является тем средством, которое заставляет человека «устыдиться за себя» [4, с. 1167]. Мотив неизбежности смерти присутствует и в кыт'а Лебиба, который пишет, что «нет ни человека, ни духа, ни животного, которое жило бы вечно», и что перед лицом смерти равны все, и «шах, и нищий» [5, с. 557]. Наби призывает современников не водить дружбы со злыми и недостойными людьми и противостоять страстям: «Сильно жаждущий становится сосудом буйства / Дни несчастий оканчиваются и становятся дверями в ад» [4, с. 1143]. Он говорит о том, что все тайное становится явным, а «личные дела будут со временем известны всем» [4, с. 1147], поэтому в земных делах так важно следовать голосу совести. Наби отмечает необходимость руководствоваться разумом, он часто говорит о том, что любое суждение человека должно иметь логические основания: «Не было бы с умом сказанных к месту слов <...> / Если бы весы разума не приводили доказательств» [4, с. 1170]. В другой своей кыт'а поэт жалуется на то, что «в этом мире ряд наперстков стал способом доказательства» [4, с. 1162]: в споре побеждает не тот, кто приводит более весомые аргументы, а тот, кто умеет запутать и обмануть собеседника. Наби призывает отказаться от «нечестных мыслей», но при этом «не отталкивать пожертвований недостойных», которые позволяют поэту сводить концы с концами, отмечая, что «для блага перед Господом этого достаточно» [4, с. 1162].

Наиболее существенные изменения тематики кыт'а связаны с возросшей в XVII в. популярностью кыт'а-хронограмм — тарихов. В XV–XVI вв. тарихи составляли лишь 2–4% от всех кыт'а, а в XVII–XVIII вв. их количество увеличилось до 55–57%. Это объясняется по большей части тем фактом, что в османском обществе этого времени происходило формирование третьего сословия, представители которого и являлись основными заказчиками тарихов: поэты стремились запечатлеть в стихах все наиболее значимые события жизни своих многочисленных богатых покровителей и получить за это материальное вознаграждение (о роли наиболее влиятельных меценатов в литературном процессе Османской империи подробнее см.: [6] или [7]).

Кроме того, этот период ознаменован некоторыми подвижками в традиционном сознании, которые привели к изменению восприятия времени: в XVII в. в Османской империи появляются первые башни с часами и служба придворных астрономов, вычисливших «счастливей час» для различных дел и мероприятий. Изменения в восприятии времени заключались в стремлении «запечатлеть момент», сохранить ускользающее мгновение для вечности, чему наилучшим образом отвечали стихотворения-хронограммы. Помимо этого, в XVII в. повысился интерес к современности и современникам, что также способствовало росту популярности тарихов, в которых освещались события из повседневной жизни турецкого города. В основном тарихи были посвящены закладке и реставрации архитектурных объектов, таких, как дворцы, медресе, бани, источники и др. Сравнительно небольшое количество тарихов имело своей темой событие государственной важности, такое как, например, смерть султана или рождение наследника престола, вступление султана на трон, победа над врагом, возвращение из удачного военного похода. Поэты запечатлевали в тарихах события из жизни своего непосредственного окружения,

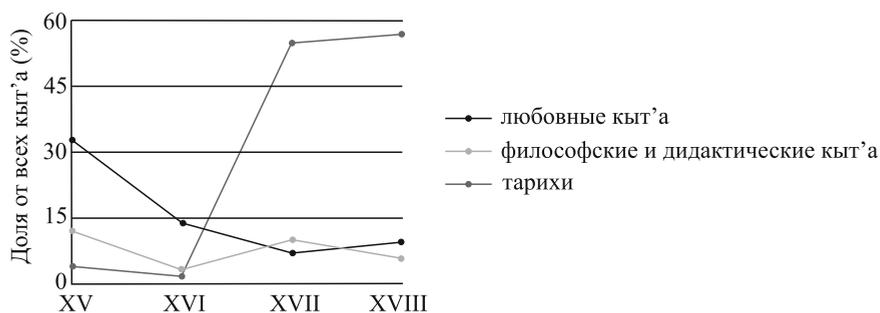
будь то получение новой должности богатым покровителем, свадьба или помолвка высокопоставленного мецената, смерть кого-либо из ближнего круга как покровителей, так и самих поэтов. Дата, зашифрованная в тарихе (*tarih rakamı*), располагалась после той части стихотворения, которая называлась «касыдой тариха» (*tarih kasidesi*) и содержала описание знаменательного события, являвшегося темой стихотворения. В последнем бейте, который назывался «бейт с тарихом» (*tarih beyti*), поэт обязательно упоминал слово «тарих». Число можно было зашифровать с помощью специальной системы (*ebced hesabı*), когда буквам арабского алфавита соответствовали определенные числовые значения. Сумма числовых значений букв последнего бейта или последней мысра и давала зашифрованную дату. Вот, например, тарих Сюрури:

Tezevvüc itdi Asım Beğefendi.
 تزوج ایتدی عاصم بك افندی
 [8, с. 503].

Асым Бейэфенди женился.

Сумма всех букв этого тариха дает искомую дату: $400+7+6+3+1+10+400+4+10+70+1+90+40+2+20+1+80+50+4+10=1209$.

Динамику изменений в тематике кыт'а XV–XVIII вв. можно аккумулятивно представить в виде графика. Так как наиболее существенные изменения коснулись любовных, философских и дидактических кыт'а, а также кыт'а, представляющих собой тарихи, на графике мы отобразили динамику изменения количества кыт'а, относящихся к этим трем группам.

Динамика изменений тематики кыт'а в XV–XVIII вв.

Таким образом, мы приходим к выводу, что на протяжении первых двух веков существования кыт'а на турецкой почве (XV–XVI вв.) ее большую часть составляла любовная лирика. Кроме того, обращает на себя внимание тот факт, что в XVII в. у турецких поэтов повышается интерес к философской и дидактической тематике, выраженной в форме кыт'а. Еще один вывод, определившийся в ходе проведенного анализа, состоит в том, что начиная с XVII в. большая часть кыт'а являлась тарихами. В XVIII в. соотношение тематических доминант в кыт'а по сравнению с XVII в. практически не меняется. На основании вышеизложенного можно заключить, что кыт'а, являясь функционально активной жанровой формой турецкой средневековой литературной системы, на протяжении всего своего существования обслужи-

вала большое количество тем и претерпела наибольшие изменения в тематическом плане в XVII в., что стало следствием модификации в типе художественного сознания: в это время турецкие поэты сосредоточили свое внимание на общественных проблемах и вопросах существования личности в социуме. Эти изменения, имевшие место в тот период, когда вся система жанров и жанровых форм турецкой литературы значительно трансформировалась, привели к расширению тематики кыт'а и упрочению ее положения в системе жанровых форм турецкой литературы. Кыт'а продолжала быть одной из наиболее популярных жанровых форм турецкой литературы приблизительно до середины XIX в., т. е. до конца переходного периода, когда на место средневековой литературы пришла литература нового типа, что ознаменовало собой разрушение традиционной системы жанров и жанровых форм и привело к уходу кыт'а с поэтической арены.

Литература

1. Ворожейкина З. Н. Кыт'а — стихотворение-«фрагмент» в персидской поэтической культуре // Неизменность и новизна художественного мира.: Сб. памяти Е. Э. Бертельса. М., 1999. С. 36–58.
2. *Emrî Dîvânı*. İstanbul, 2002.
3. *Ahmet Paşa Divanı*. Ankara, 1992.
4. *Nabi Divanı*. Ankara, 2011.
5. *Lebîb Dîvânı*. Ankara, 2004.
6. *Durmuş T. I. Tutsan elini ben fakirin. Osmanlı Edebiyatında hâmilik geleneği*. İstanbul, 2009.
7. *Gürsoy B. XV. yüzyıldan itibaren İstanbul'daki edebi muhitlere genel bir bakış // Bilig-2, Yaz'96. S. 188–202. YESEVI.NET: сайт университета Ахмеда Ясеви. 2001. URL: <http://bilig.yesevi.net/PDFS/2.sayi.pdf> (дата обращения: 05.05.2015).*
8. *Dilçin C. Örneklerle Türk Şiir Bilgisi*. Ankara, 1983.

References

1. Vorozheikina Z. N. *Kyt'a — stikhotvorenie-«fragment» v persidskoi poeticheskoi kul'ture [Qita — a fragment-poem in Persian poetical culture]. Neizmennost' i novizna khudozhestvennogo mira [Constancy and novelty of the world of art]: Sb. pamiati E. E. Bertel'sa*. Moscow, 1999, pp. 36–58. (In Russian)
2. *Emrî Dîvânı [The Divan of Emrî]*. İstanbul, 2002. (In Turkish)
3. *Ahmet Paşa Divanı [The Divan of Ahmet Pasha]*. Ankara, 1992. (In Turkish)
4. *Nabi Divanı [The Divan of Nabi]*. Ankara, 2011. (In Turkish)
5. *Lebîb Dîvânı [The Divan of Lebîb]*. Ankara, 2004. (In Turkish)
6. *Durmuş T. I. Tutsan elini ben fakirin. Osmanlı Edebiyatında hâmilik geleneği [If I take the poor by the hand. The tradition of patronage in Ottoman literature]*. İstanbul, 2009. (In Turkish)
7. *Gürsoy B. XV. yüzyıldan itibaren İstanbul'daki edebi muhitlere genel bir bakış [General consideration of patronage in the field of literature in Istanbul beginning with the XVth century]. Bilig-2, Yaz'96. S. 188–202. YESEVI.NET, 2001. Available at: <http://bilig.yesevi.net/PDFS/2.sayi.pdf> (accessed 05.05.2015).* (In Turkish)
8. *Dilçin C. Örneklerle Türk Şiir Bilgisi [Turkish Prosody with the examples]*. Ankara, 1983. (In Turkish)

Статья поступила в редакцию 14 октября 2015 г.

Контактная информация

Семина Анастасия Игоревна — аспирант; aisemina@mail.ru

Semina Anastasiya I. — post graduate student; aisemina@mail.ru